

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ В ПРОВИНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

М.В. Каиль

Для православного общества в полной мере были характерны процессы, протекавшие в российском социуме начала XX в. на фоне динамичных и разрушающих традиционный уклад жизни изменений. Среди прочего часто называется политизация сознания, нарушение нравственных норм поведения, повседневное пьянство и грубость (сквернословие) среди священства. Ответом на подобное поведение со стороны верующих мирян становилась минимизация контактов с церковью, очевидное падение авторитета её представителей, несоблюдение религиозных практик (пост, регулярность исповеди и причастия). Все эти и многие другие негативные явления внутрицерковной жизни (имеющие, однако, определённые пределы, слабо улавливаемые социологическими методами) предреволюционного и революционного периодов характеризуются как секуляризация (обмирщение) сознания. Процесс этот характерен для динамично развивающихся стран и объективно имел место в России начала XX в., хотя и являл собой более сложное явление, чем «исход из церкви» или «массовое безверие». Он не был линейным, поступательным. В отдельные периоды церковь сплачивала нацию и пополняла ряды своих приверженцев (ситуация начала первой мировой войны¹), а порою под действием объективных причин росло недовольство церковью как частью государства – «ведомством православия»².

Статистический метод, применённый Б.Н. Мироновым для выявления процентных показателей обмирщения, позволил получить следующие данные: доля лиц, пропускавших исповедь и причастие по неуважительным причинам, увеличилась с 2% в 1780 г. до 7% в 1913 г. За 130 лет цифра, как видим, мало изменилась; доля населения, практиковавшая половое воздержание во время Великого поста, сократилась в период с 1867 по 1910 г. на 10%, составив всего 14%³. Эти данные позволяют исследователю утверждать, что «большинство православных

¹ Специальных работ по истории Православной церкви в период первой мировой войны нет, тема затрагивалась в исследованиях П.Н. Зырянова и О.С. Поршневой, см.: *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М., 2002. – С.282–288; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. – М., 2004. – С. 77–79, на региональном материале в работе: *Роменкова А.Ю.* Влияние Русской православной церкви на настроения провинциальной общественности в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Сборник научных работ Студенческого исторического общества. – Смоленск, 2007. Вып. III. – С. 58–64.

² С.Л. Фирсов предлагает разграничить сферу государственно-церковных отношений, к которой применялось понятие «ведомство православного исповедания» и собственно внутрицерковной жизни, см.: *Фирсов С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – С. 65.

³ *Миронов Б.Н.* Народ-богоносец или народ-атеист? Как россияне верили в Бога накануне 1917 года // Родина. – 2001. - № 3. – С.54-56.

посещали церковь, соблюдали обряды и миллионы отказывались от скоромной пищи и интимных отношений во время постов... степень религиозности в начале XX века была высока и церковь оказывала влияние на поведение людей»⁴.

Б.Н. Миронов, как и ряд других исследователей, считает, что основы религиозности народа были сознательно поколеблены заинтересованными в этом силами. И с момента революционизации, радикализации общественного сознания начала XX века параллельный им процесс секуляризации лишь набирал силу (по Д.В. Поспеловскому решающую роль в этом сыграла радикальная интеллигенция и нерешённость проблем государственно-церковных отношений синодального периода⁵). При этом обращается внимание на принципиальное несовпадение понятий секуляризации и атеизации (первое предполагает освобождение сфер жизни общества и человека от религиозного влияния, второе – безверие).

Соглашаясь с чисто социологическими доводами Б.Н. Миронова, нельзя сводить эволюцию религиозности только к статистически отслеживаемым фактам. Со всей очевидностью перед исследователем встаёт гораздо более сложная проблема эволюции форм религиозности. Достаточно вспомнить о том, что революционные годы стали периодом расцвета сектантства, в том числе на селе⁶. Объяснить его расширение возможно только с точки зрения поиска широкими слоями населения новых форм религиозной жизни, религиозной обрядности в условиях неудовлетворенности положением дел в традиционной Православной Церкви, служители которой, особенно на селе, оказались зараженными всеми социальными болезнями своего времени.

Действительно ли так не устраивали священнослужители свою паству? И если да, то чем именно, какие негативные явления в церкви были открыты взорам верующих?

По данным Б.Н. Миронова, значительные изменения в жизни, настроениях духовенства были обусловлены социальной модернизацией, которая их коснулась. Среди действий, характеризующих духовенство как социальную группу, обращает на себя внимание массовый уход из церкви лиц, получивших духовное образование: из выпускников семинарий 1914 г. только 47,1% остались в духовном ведомстве. Сознание многих представителей духовенства настолько трансформировалось, что они в немалой доле входили в состав радикальных партий: 9,4% – эсеров, 3,4% – большевиков⁷! Исследователь отмечает, что «белое духовенство... из сословия постепенно превращалось в профессию». Такое влияние модернизационных социальных процессов не могло не отражаться на самоидентификации, отношении священства к службе, взаимоотношениях с паствой. Да и сама дискуссия о церковных реформах, начавшаяся с 1905 г., оставив большое публицистическое наследие, позволяющее судить о настроениях клира от епископа до сельского священника, демонстрировала заметную эмансипацию духовенства⁸.

⁴ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. – С. 56.

⁵ *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 34.

⁶ *Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н.* Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) // Исторические записки. – М., 2005. – Вып. 8 (126). – С. 115–116.

⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2003. Т.1. С.107.

⁸ Церковная реформа: Сб. ст. 1905; Об отношении церкви и священства к современной общественно-политической жизни. – СПб., 1906; *Огнев Н.В.* На пороге реформ русской церкви и духовенства. –

Но всё же влияние этих процессов ощущалось в провинциальном селе сплунду. Реалии жизни были иными: духовенство всё чаще заимствовало модели поведения своей необразованной, малокультурной, забитой безрадостными условиями жизни паствы. Тяжёлое материальное положение большинства сельских приходов и ряда городских обостряло борьбу священников за выгодные места. При этом некоторые исследователи, не вдаваясь в природу происходящего, отмечают: «Священники городских церквей боролись за прихожан, при этом сами вытесняли друг друга. Борьба происходила в присутствии верующих и накладывала отпечаток на отношения к священнослужителям, а нередко и в целом к православной церкви»⁹. Борьба эта объективно имела место и тем важнее попытаться реконструировать её социальную природу и движущие факторы. А проявления её были самыми нелюбимыми: многочисленные наветы, взаимные обвинения, сопровождавшиеся часто прилюдными оскорблениями и даже рукоприкладством. Заметным явлением во внутрицерковной жизни начала века был «конфликт поколений» среди служителей приходов и даже монастырей. Многочисленны были и конфликты среди разных категорий причта (священник, дьякон, псаломщик) положение которых, в том числе доходы, жёстко стратифицировались, что подтверждается в региональных исследованиях, в том числе посвящённых Смоленской губернии¹⁰. Причиной противоборства внутри причта отдельного прихода была прежде всего борьба за распределение средств, получаемых в качестве платы за требы. Вопрос этот был столь взрывоопасным, что попытка его решения предпринималась позднее на губернских съездах духовенства и мирян 1917 г.

Описаний различных конфликтов в среде духовенства пред- и революционного периода полны архивные фонды правящих архиереев и епархиальных правлений. Не составляет исключение и Смоленская губерния.

В изучаемый период всё чаще прихожане обращаются к правящему архиерею, констатируя неканоничное, а зачастую и аморальное поведение своих священников. Так прихожане Пятницкой церкви г. Рославля жаловались на несоблюдение священником постов. Замечание о том, что священник пьёт в храме кофе, дополнялось констатацией разрыва жизни священника с проповедуемыми им нормами – «а сам проповедует воздержание». Недовольство обострял и социальный аспект: священник угождал богатым людям, а бедных покойников при этом не отпевал¹¹.

Неблаговидное поведение проникло и внутрь монастырских стен. В донесении на имя епископа Смоленского характеризовалось непристойное поведение архимандрита одного из крупнейших монастырей губернии, имевшего всероссийскую известность – Дорогобужского Свято-Троицкого Болдина, заключавшееся в несоблюдении постов, сквернословии, пьянстве и «приеме дам»¹².

Естественно встаёт вопрос о массовости зафиксированных в документах явлений, порочащих облик церкви. Вероятнее всего, отмеченные факты являлись

СПб., 1907; Холопов И. Идеология церковной реформы. – Киев, 1916 и др. Многочисленные полемичные материалы публиковались в 1910-е гг. в «Церковных ведомостях» и «Прибавлениях» к ним.

⁹ Гавриленков А.Ф. Религиозная обстановка на территории Смоленской губернии в XVII – начале XX вв. // Социальные трансформации: Трансформация религиозного сознания и изменение социального статуса религиозных объединений в постсоветский период. – Смоленск, 2004. – Вып. 8. – С. 32.

¹⁰ Мануилова И.Б. Социальный статус и социальная роль приходского духовенства смоленского края в конце XIX – начале XX вв. // Авраамиевские чтения. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. – Смоленск, 2007. – Вып. 4. – С. 183–188.

¹¹ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 400. – Л. 18.

¹² ГАСО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 441. – Л. 3.

единичными, статистически строго охарактеризовать рамки и границы нарушения норм поведения и каноничности службы практически невозможно. Но обилие подобных жалоб и рапортов в материалах епархиального делопроизводства, повсеместность распространения описанных в них явлений (что устанавливается административно-территориальной атрибуцией жалоб), распространение неканоничного поведения в монастырях, а главное, сопровождение многих жалоб замечанием авторов о том, что «поведение священника подаёт пример окружающим», позволяет считать отмеченные явления значимыми и реально оказывающими влияние на религиозное сознание широких слоев провинциального общества.

Зафиксированы случаи осознания неканоничности поведения современного им священства православной молодёжью губернии. В этом смысле показательна оценка положения дел в церкви смоленским семинаристом Дмитрием Черкасовым: «Церковь называет он крестьянской лавочкою, а попов продавцами крови Христовой и Креста Его»¹³. Причины формирования подобных настроений «поповских детей», по мнению Т.Г. Леонтьевой следует искать в быте семинаристов¹⁴.

Смоленский исследователь трансформации религиозного сознания населения отмечает: «Нравственный авторитет священников православной церкви на территории ряда уездов был таков, что они не могли оказать влияние (вероятно, положительное. – М.К.) на поступки верующих»¹⁵.

На настроения православных верующих влияло и небрежное отношение к храму многих священников, ведущих образ жизни беднейших и невольно опустившихся крестьян. Грязь в церкви, отсутствие у священников представления о православном каноне в искусстве, приводившее к распространению неканоничных икон и иных культовых атрибутов¹⁶, изготовленных, вероятно, местными мало профессиональными умельцами и приобретаемых за копейки. Всё это могло оказать неблагоприятное влияние на восприятие Православной Церкви местным населением.

Отмечались случаи, хотя и значительно в меньших масштабах, нарушения священниками и членами причта не только церковного, но и светского законодательства (вплоть до судимости). Многие из подобных фактов, становясь достоянием общественности, вносили свой вклад в передвижение религиозных идеалов на индивидуальной шкале жизненных ценностей с традиционно первой на другие позиции.

Отмеченное как нельзя лучше характеризует замечание Т.Г. Леонтьевой: «В переломные моменты истории социальное неистовство масс требует обновления веры... Процесс духовного брожения оказался многомерен, что, в общем, соответствовало природе распада старого сознания под влиянием духовных бацилл революции»¹⁷.

Это брожение в 1917 г. причудливо переплетается с ориентирами на новый

¹³ ГАСО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 289. – Л. 7.

¹⁴ Леонтьева Т.Г. Поповичи. Нравы бурсы пореформенной России // Родина. – 2000. – № 7. – С. 49–53; Она же. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 170–178.

¹⁵ Гаврилеков А.Ф. Указ. соч. – С. 32.

¹⁶ ГАСО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 56–62.

¹⁷ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. – М., 2002. – С. 217.

политический строй, его установления. Так, одна из жалоб, порождённая конфликтом двух священников из-за спиленной березы (!), которую один из них считал своей неотъемлемой собственностью (само понятие обнаруживает явный примат материальных ценностей в сознании священника) апеллирует к законодательству Временного правительства и практике работы правоохранительных органов (заявитель говорит о недопустимости обыска, учиненного противоположной стороной, без привлечения милиции)¹⁸.

Но всё же проанализированные случаи представляют собой лишь определённую группу казусов внутрицерковной жизни, хотя и вносят существенные коррективы в институциональную характеристику Православной Церкви пореволюционного периода. Трансформация религиозного сознания в провинциальных условиях, особенно в сельской местности, заключалась в постепенном отказе от ряда религиозных практик (их нерегулярности), осуждении неканоничного поведения членов приходского клира. Всё чаще верующие тяготели к поиску новых форм отправления религиозных чувств, что приводило их либо в стан активизировавшихся сектантов, либо выводило за рамки традиционного религиозного сообщества, делая вольнодумцами и еретиками. Именно эти характеристики веками присваивались Православной Церковью всем несогласным с её официальной позицией и сложившимися нормами религиозной жизни. Недоверие к предлагаемым церковью идеалам, проповедуемым часто утратившими авторитет священниками, выражалось в форме пассивного протеста верующих: непосещения церкви (чаще), отказа от религиозного сопровождения основных событий жизни (реже).

О тяжести назревших в церкви проблем говорит запомнившийся современникам пример массового отказа военных (90%) от исповеди и причастия, произошедший после отмены их обязательности Временным правительством¹⁹.

Важным фактором недовольства церковью, снижения её авторитета явилась также специфика государственно-церковных отношений синодального периода. Так, в годы первой мировой войны негатив в отношении к воюющему государству естественно был перенесён и на церковь.

И всё же «протестное движение» и круг лиц, ушедших из под влияния церкви, не составляли значительной части общества и были связаны не только с недовольством церковью, но и с объективными реалиями социально-экономического положения провинции. Обмирщались крестьяне-отходники, оседавшие в городе и терявшие связь со своим приходом, а также беднейшие слои деревни, неспособные оплачивать требы и выглядеть достойно на церковной службе, не посещавшие порой церковь из-за банального отсутствия достойной одежды.

На фоне накопившихся проблем и безрадостной рутины повседневности основной массы православных настоящим феноменом в религиозной жизни провинции стала «революция в церкви» весны 1917 г. Тогда на епархиальных съездах духовенства и мирян демократически свободно и широко обсуждались реформы церкви всех уровней, переизбирались настоятели храмов, а кое-где и епархиальные епископы. Дух времени в полной мере характеризуют события Смоленского епархиального съезда, круг обсуждаемых на нём вопросов, радикализм решений, глубокая заинтересованность православной общественности (именно мирян) в

¹⁸ ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 5.

¹⁹ Каишеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). – М., 2005. – С. 67.

решении проблем церкви. Однако, демократическое обсуждение вопросов церковной жизни было прервано на провинциальном уровне, большинство острых вопросов так и не получили ответа, что, очевидно, усложнило положение церкви в новых исторических условиях, сложившихся с приходом к власти партии большевиков.

Назревшие в синодальный период проблемы, полученный в 1917 г. опыт их осмысления и обсуждения, способствовавший формулированию новых требований общества к церкви, явно диссонировал со сворачиванием линии на демократизацию на Поместном Соборе. В результате в большевистскую революцию церковь вошла с грузом нерешённых проблем, ослабленная широкой внутренней дискуссией, но по-прежнему, амбициозно заявляя свои права на духовное и идейное кормление общества.

M. Kail'

**PECULIARITIES OF IN-CHURCH LIFE OF THE ORTHODOX BELIEVERS
(ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION)**

Summary

The field of research: state-church relations in the Russian province of 1910-1930s, social history of the clergy, social and mental characteristic of the Orthodox community, the Soviet faith-related policy, archival studies, methodology.

The paper is devoted to the study of peculiarities and delineation of borderlines of religious consciousness of provincial residents in the early 20th century. The purpose of the paper is to analyze the functional problems of the church organization on the eve of the Revolution of 1917, as well as to reveal reasons and manifestations of the process of secularizations of provincial mentality at large on the regional material. The author notes that trust in the church at that period was undermined by specifics of interrelations between the church and the state of the Sinodal period. The "batyushka's" image was distorted by conflicts among parishioners and brethren as well as by a general moral decay of the clergy, instances of their asocial behaviour. As to the peasants they were alienated from the church by side craftsmanship and poverty. A possibility of resolving evident contradictions was lost in 1917.